

● ПОЭТ И ПОЛИТИКА

«Финал, почти что криминальный»

- Булат Шалвович, отражается ли политика в вашем творчестве? - спросили мы поэта.

- Да, под влиянием съезда меня стало тянуть на сатиру. Вот стихотворение, которое я написал «на съездовской вахте».

Шумит толпа уездных корифеев,
Не то секретарей, не то лакеев,
И, между прочим, даже не евреев,
А нашенских по духу своему.
Кто ведал, что у кухни коммунальной
Такой прицел, расчетливый и дальний,
Такой финал, почти что криминальный!
А ведь она была на всех одна...
И нам нужны не эти развлечения
По азбуке марксистского ученья -
А долгое и трудное лечение...
Нам помощь медицинская нужна.

Интервью с поэтом Б. ОКУДЖАВОЙ читайте на с. 7

Документы и факты - 1993 - апр. (113) - с. 7

● ПОЭТ И ПОЛИТИКА

Б. Окуджава: «Финал, почти что криминальный»

С писателем Булатом ОКУДЖАВОЙ беседует корреспондент «АиФ» Д. МАКАРОВ.

- Булат Шалвович, сегодня у нас понедельник, 29 марта. Как вы провели последние три дня?

- Отравлял себя телевизором. Я знаю, что, следя за съездом, бесполезно трачу время вместо того, чтобы работать. Но не смотреть не могу. Прекрасно понимаешь, с кем имеешь дело, что ничего хорошего ждать от большинства наших депутатов нельзя, и все на что-то надеешься.

- Думаете, съезд может решить судьбы России?

- Нет, на это он не способен, хотя известную долю трагизма в судьбу России привнести может. Улучшить нашу жизнь съезд не в силах, а вот еще и еще помучить нас - это да.

- Кто вы? Судя по последним телепередачам, большинство творческой интеллигенции - ярые «ельцинисты». Вы тоже к ним относитесь?

- Нет. Но несмотря на то, что у меня к Ельцину много претензий, я считаю его порядочным человеком и, если придется выбирать, то выберу его. А кроме того, на сегодня ему нет альтернативы.

Что же касается съезда, то я не политик и не разбираюсь во всех хитросплетениях депутатских речей, но мне это и не нужно. Я смотрю на лица сидящих в зале, слушаю интонации их выступлений, и становится ясно, на чьей стороне правда.

- То есть и сегодня вы повторяете то, что сказали много лет назад: «Но из грехов нашей родины вечной не сотворите кумира себе». Но может быть, все же лучший вариант - всех «уволить»? и депутатов, и Президента, поскольку в новой России и власти должны быть новые?

- Это нужно было делать раньше. В нынешней же ситуации перевыборы могут обернуться невиданным взрывом страстей, экстремизма, что в конце концов свергнет нашу страну в пучину анархии. Конечно, когда наша творческая интеллигенция безоглядно поддерживает Ельцина, я поражаюсь ее наивности. Никак мы не избавимся от веры в доброго царя-батюшку. Мне кажется, что, поддерживая Президента, мы ни в коем случае не должны забывать о его ошибках и открыто говорить о них. Этим мы прежде всего поможем ему самому, вырвем оружие из рук его и наших врагов.

- Ваш друг писатель Фазиль Искандер сказал, что писатель, как судья, - не должен заниматься политикой. Вы с ним согласны?

- Не заниматься ею я просто не могу. Так сложилась моя жизнь, таков мой характер, я должен быть в курсе всего, что происходит в стране. Мне это, кстати, очень мешает, но ничего не могу с собой поделать. Писатель, хочет он того или не хочет, всегда в политике. Он выступает за что-то и против чего-то.

- Как изменилась ваша жизнь за последние год-два после начала вхождения России в рынок?

- Внешне я живу по-прежнему, если не считать того, что «сгорели» все мои накопления в сберкассе. Кроме того, я до сих пор не научился ориентироваться в ценах. Пока у меня есть возможность зарабатывать, хотя и получаю меньше, чем раньше. Но все-таки мне хватает - запросы у меня очень небольшие. А моя духовная жизнь не изменилась совершенно.

Но есть ощущение, что кругом уже чужая страна, другие порядки, другие нравы, только язык все тот же. По своим друзьям-писателям я вижу, как туго им приходится, чтобы прокормить семьи. Многие из них, даже очень и очень у нас известные, уезжают на Запад, где их, к счастью, тоже знают, читать лекции. Потом они возвращаются, меняют валюту на рубли, на это и живут, и творят. Но так везет не всем. Есть много прекрасных писателей, которые совершенно не понимают, что происходит в их стране, и не представляют себе, как жить дальше. Им уже поздно заниматься бизнесом, да они и не умеют. А как им жить? Ломка происходит очень жесткая, но иначе и быть не может. Надо выбирать: либо свобода - и тогда живи, как хочешь, либо ты живешь в тоталитарном режиме, верно ему служишь - и тогда режим что-то тебе подбрасывает.

Я же под государством подразумеваю некое большое домоуправление, которому плачу налоги, и за это оно обеспечивает меня нормальными условиями жизни, защищает меня и не вмешивается в мою жизнь.

- Но для этого сам институт государства должен стать совсем другим.

- Другими должны стать мы сами. Нужно вернуть умение работать и соблюдать законы. А у нас в крови два принципа: «работа не волк» и «закон - что дышло». Причем оба они отнюдь не «завоевания Октября», это старые наши болезни.

Мы всегда почитали не закон, а чин, что и приводило к печальным последствиям. А ведь если бы мы почитали не вождя Сталина, а сталинскую Конституцию, в которой, кстати, большинство статей абсолютно верны и по сей день, мы бы не пришли к печальному итогу, именуемому культом личности, то есть к вопиющему беззаконию.

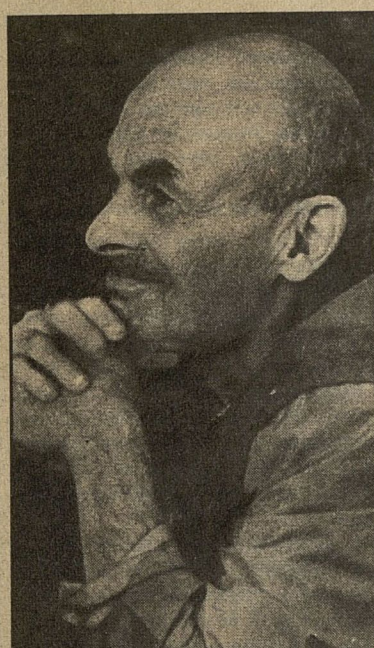
Можно относительно быстро восстановить экономику, гораздо сложнее переделать собственные мозги. На это уйдут десятки лет. И последний съезд тому идеальный пример. Все, сидевшие на нем, даже самые симпатичные милые люди, - это вчерашние большевики, кухаркины дети. Они первые переворачивают законы по принципу дышла. А раз законы меняются слишком часто, то и народ к ним относится с пренебрежением.

- Это еще один довод в пользу скорейших перевыборов.

- Нужно ценить то, что имеешь. Вы посмотрите на партию Президента. Это молодые, очень симпатичные ребята, знающие, чего они хотят добиться для страны. Правда, они, мне кажется, еще не умеют работать в катастрофической ситуации. Но этому можно научиться. Главное, что они порядочные люди, умеющие работать, желающие добра России. Надо ценить все это, но мы не хотим. И все кричим «долгой».

Умению воспринимать людей и обстоятельства такими, какие они есть, без стремления их тут же немедленно «перековать» - этому тоже надо научиться.

- Давайте поговорим о вас лично. К какой нации вы причисляете себя, Булат Шалвович?

- Конечно, к русским, и только к ним. Я очень люблю Грузию - родину моего отца и Армению - родину моей матери, но я вырос в России, и русский язык для меня родной, ни по-грузински, ни по-армянски я, к сожалению, не говорю. Когда я был маленьким, дома у нас обожевлялось все русское, и моя мать, фанатичная большевичка, когда собирались гости и кто-нибудь начинал вдруг говорить по-армянски, всегда прерывала и говорила: «Товарищи, давайте говорить на языке Ленина».

Сейчас мне очень не хватает моих друзей - грузинских и армянских писателей. Мы оказались отрезаны друг от друга. Но, я думаю, это временное явление. Когда наша психика привыкнет к этому разделению, то экономические, геополитические, географические и прочие обстоятельства все равно заставят нас быть вместе.

- Ваше имя всегда связывали с именами Фазили Искандера, Беллы Ахмадулиной, Евгения Евтушенко.

- Мы действительно друзья, но в последнее время редко общаемся. Гораздо ближе мы были друг к другу в молодости. У творческих людей все-таки разные пути. Мои самые закадычные друзья никакого отношения к литературе не имеют: один из них архитектор, а другой - строитель.

- Первая наша с вами беседа была напечатана в «АиФ» около трех лет назад и вызвала бурный поток писем. Вы сказали тогда, что патриотизм есть даже у кошки и это не главная ценность, которая есть в человеке. Это вызвало негативную реакцию со стороны читателей.

- Я и сейчас так считаю. Мне кажется, некоторые читатели тогда просто неправильно меня поняли. Привязанность к месту, где родился, провел большую часть жизни, действительно присутствует не только у человека. Собака, если ее увезти от дома, возвращается, чего бы ей это ни стоило. Птицы выют гнезда в привычных им родных местах.

Человек ценен своими качествами гражданина, умением жертвовать собой ради других, а не любовью к «малой родине», о которой так много раньше говорили и писали, но которая совсем не является показателем какой-то особой духовности.

- Ваша «малая родина» - Печорин?

- Да, здесь я живу много лет почти безвыездно один.

- Не страшно?

- Нет, я привык, мне интересно общаться с самим собой, да и работать удобнее. Живу по жесткому расписанию дня, не позволяя себе расслабиться.

Фото Б. Кремера